

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ШУЛЕЖКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования заведующий Научно-исследовательской словарной лабораторией

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

(Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0314-6721; shulezkova@gmail.com

ШАХМАТОВСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ КАК ОПОРА ПРИ СОЗДАНИИ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ БЕСПИСЬМЕННОГО ЭТНОСА

А н н о т а ц и я . Автор поднимает проблему преемственности лексикографических приемов описания языковых единиц, в том числе сверхсловных, разработанных А. А. Шахматовым. Первый и второй выпуски II тома «Словаря русского языка», созданные под его редакторством, являют собой новаторский труд тезаурусного типа. Они демонстрируют продуктивность использования в словарном деле принципов антропоцентризма, историзма, системности и коммуникативности при описании языковых единиц словного и сверхсловного типа. Опыт А. А. Шахматова сыграл не последнюю роль в становлении отечественной лексикографии и фразеологии. Особую актуальность его лексикографическая концепция приобретает в условиях вымирания под давлением цифровой цивилизации языков малых бесписьменных народов. Утратив собственный язык, этнос, как правило, теряет и свою идентичность. Такая судьба грозит и нагайбакам, одному из малочисленных коренных народов Южного Урала. Задавшись целью помочь нагайбакам избежать «растворения» среди соседних многочисленных наций, магнитогорские лингвисты разработали программу внедрения нагайбакской письменности. Центральное место в ней, помимо изобретения алфавита и написания краткой грамматики, принадлежит созданию различного типа словарей исчезающего языка. И в этом деле шахматовская концепция, требующая ориентации на живую разговорную речь народа, сыграла решающую роль. После публикации русско-нагайбакского и нагайбакско-русского словаря-перевертыша, нагайбакско-русского словаря с грамматическими пометами, а также словаря нагайбакских пословиц, перед коллективом встала задача издания нагайбакского фразеологического словаря. В решении этой сложной задачи шахматовские принципы описания русских сверхсловных единиц, подвергнутые анализу в предлагаемой статье, приняты как основополагающие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словарь-тезаурус, словарная статья, сверхсловная единица, бесписьменный народ, угроза исчезновения, живая разговорная речь, культура народа

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование осуществлено при поддержке гранта Российского научного фонда и Правительства Челябинской области. Проект № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как базы для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шулержкова С. Г. Шахматовские принципы лексикографирования как опора при создании словарей для бесписьменного этноса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098

ВВЕДЕНИЕ

В научной деятельности академика А. А. Шахматова активная редакторская и творческая работа над «Словарем русского языка» (СРЯ) занимала не очень много времени. Он приступил к ней в 1895 году, спустя всего несколько месяцев после блестящей защиты магистерской диссертации, которая завершилась присуждением

ему степени доктора русского языка и словесности, а также приглашением молодого ученого на должность адъюнкта Петербургской Академии наук. При его непосредственном участии (и как собирателя иллюстративного материала, и как автора словарных статей, и как редактора) было создано два первых выпуска второго тома СРЯ. Хотя общее руководство работой

над словарем Шахматов продолжал осуществлять до 1916 года (см. [5: 189–196]), только в выпусках 1897 и 1898 годов была реализована его новаторская лексикографическая концепция, кардинально отличающаяся от позиции Я. К. Грота, редактора трех выпусков 1-го тома СРЯ [5: 208]. Именно первые два выпуска 2-го тома позволяют признать шахматовский опыт «уникальным примером словаря тезаурусного типа, аналога которому в русской лексикографии до сих пор не было и нет» [7: 891].

Программу работы над «Словарем русского языка», ответственность за продолжение которого на него была возложена, Шахматов озвучил на заседании возглавляемого им коллектива [3: 899–902]. Указав на то, что словарь оправданно «черпает материал не из одних только литературных произведений, а также из языка делового и научного», так как «предназначается не для одних филологических, но также для практических целей» [3: 900], новый редактор предложил два пути выполнения основной задачи «Словаря»:

1) «расширить круг писателей, из которых черпается словарный материал»; 2) «признав язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, источником Словаря сделать живой русский язык» [3: 900].

Сложившаяся в 1895–1898 годах шахматовская система, при которой синхронное описание лексико-фразеологического фонда языка, взятого во всех сферах его функционирования, сочетается с историко-этимологическим и лингвокультурологическим его анализом, остается по-прежнему образцом полноты, тщательности и научной достоверности. Лексикографический опыт Шахматова был настолько впечатляющим, что в разное время, «особенно в конце XX века вновь и вновь возникали разговоры о том, что “хорошо бы иметь словарь русского языка шахматовского типа”» [2: 948].

Но не все ученые однозначно отнеслись к лексикографическому опыту Шахматова. Став председателем Словарной комиссии Академии наук, выдающийся лингвист Л. В. Щерба в 1929 году высоко оценил две идеи А. А. Шахматова: 1) сделать словарь не литературного типа, а «словарь всего русского языка, всех его диалектов, на протяжении XVIII и XIX веков, со включением и фактов живого разговорного языка»; 2) примеры должны были стать основой Словаря, вместо того, чтобы играть лишь иллюстративную роль». Но эти два достоинства, считал Щерба, «имели и плохие последствия: во-первых,

в Словаре соединены несоединимые вещи: литературное и областное»; во-вторых, «ускользнула задача составления Словаря русского литературного языка» [12: 905], то есть он фактически перестал быть нормативным.

Свою статью «Основная идея шахматовской лексикографии» Л. С. Ковтун начинает с попытки примирить эти резко отличающиеся друг от друга оценки:

«...вопрос о шахматовской традиции не терял своей остроты. Профиль академического словаря, предложенный в выпусках под редакцией А. А. Шахматова, вызывал и продолжает вызывать двойственное отношение: а) попытка создать thesaurus в применении к живому языку расценивается как *утопия, замысел, который не может увенчаться успехом*; б) шахматовский период русской академической лексикографии признается ее *научной вершиной*. Итак, с одной стороны, неосуществимость замысла А. А. Шахматова, с другой – высокий научный потенциал выдвинутых им принципов описания словарного состава языка. *Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились*» [4: 62].

Эту мысль развивает Е. В. Пурицкая:

«Сегодня сама лексикографическая практика приорила эти два взгляда существованием словарей разных типов литературного языка, а также диалектных, исторических, терминологических и др. – и очевидно, дело только будущих технологий свести эти словари в одну интегративную базу» [8: 955].

Влияние шахматовской лексикографической концепции на развитие не только отечественного, но и мирового словарного дела охарактеризовал А. С. Герд:

«...в целом мировая лексикография идет, с одной стороны, по линии создания больших многотомных словарей академического типа, а с другой – в направлении углубления типов словарей по запросам общества...» [2: 949].

Об отечественном лексикографическом буме второй половины XX – первой четверти XXI столетия, отразившем обе эти тенденции, написано достаточно много. Что касается первой тенденции, укажем в качестве образца на фундаментальную работу наших ученых над «Большим академическим словарем русского языка» (БАС 2004–2021), 27 томов которого уже дошли до читателя¹. Не могла не повлиять шахматовская лексикографическая концепция и на развитие фразеологии.

Фразеологи не оставили без внимания принципы отбора А. А. Шахматовым сверхсловных единиц в словаре тезаурусного типа, место, какое он определял сверхсловным единицам в структуре словарной статьи, многогранность их описания как элементов языковой системы не только

через характеристику их значений, но и указания на их происхождение, сферы употребления и связь с другими единицами лексико-фразеологического фонда русского языка, а также точное указание источников фиксации примеров их употребления.

Шахматов, естественно, был не первым ученым, решившимся описать русскую языковую стихию через «представление» в словаре не только лексем, но и *сверхсловных единиц* (или *речений*, как обычно называли их составители словарей XVIII–XIX веков). Столетием ранее протопресвитер Московского Архангельского собора, член Российской Академии наук П. А. Алексеев, подвергая историко-семантическому анализу один из важнейших пластов русского литературного языка XVIII века в «Церковном словаре»², в качестве объектов анализа, помимо лексем, привлек и сверхсловные единицы. Система описания в обоих типах словарных статей у Алексеева была одинаковой: каждая языковая единица (как лексема, так и речение) сопровождается 1) указанием на язык-источник; 2) переводом заимствованной единицы на русский язык; 3) названием сочинения и той его части (главы, стиха), к которой эта единица восходит; 4) семантической характеристикой УСК с опорой на их толкование в богословских сочинениях. Так, к примеру, в блоке «А» 1-го тома Алексеевым описано около трех десятков сверхсловных единиц, среди которых значительная часть хорошо известна и современному носителю русского языка: *агнецъ божій*³, *Адамъ ветхій*⁴, *ангельское житіе*⁵, *антоновъ огонь*⁶ и пр. О том, как решалась проблема описания сверхсловных единиц в толковых словарях русского языка рубежа XIX–XX веков, см. [11]. Сущность ее состояла в том, что сверхсловные единицы помещались в конце словарной статьи, возглавляемой лексемой, которая входила в состав сверхсловной единицы в качестве компонента.

Когда А. А. Шахматов разрабатывал программу подготовки к изданию 2-го тома СРЯ, до формирования фразеологии как самостоятельной фразеологической дисциплины оставалось более полувека. Сам термин *фразеология*, правда, попытался ввести в российский научный обиход М. И. Михельсон, создававший свой фундаментальный труд «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» фактически в то же время, когда шла работа над 2-м томом СРЯ. Но его предложение российскими лексикографами всерьез не было воспринято, ибо предметом «русской фразеологии» Михельсон считал слишком уж «разношерстные» единицы, объ-

единенные им в общий разряд по одному только признаку – «образности»: он считал, что русская фразеология должна изучать и образные *слова*, и образные пословичные *выражения*, и *поговорки*, и образные *изречения*, свойственные языку народа» [6: VIII]. Лишь с выходом в свет 4-томного словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), термин *фразеология* был «легализован»: в раздел «Как пользоваться словарем» составители включили параграф «Фразеология», где характеризовались приемы введения в словарные статьи «ходячих цельных выражений»⁷.

Неудивительно, что в своих работах, написанных во второй половине 1890-х годов, Шахматов по отношению к сверхсловным единицам оперирует разными их названиями: нейтральными *оборот*, *словосочетание*, михельсоновским термином *ходячие слова* и привычным для лексикографов XVIII–XIX веков термином *речение*. Тем не менее анализ обширного корпуса сверхсловных единиц, подвергнутых описанию в обоих выпусках 2-го тома СРЯ, свидетельствует об очень важном этапе в осмыслении Шахматовым сущности сверхсловных единиц. У него сложилось совершенно определенное представление о том, какими дифференциальными свойствами обладают сверхсловные единицы, занимающие свое законное место в русской языковой системе. В той сфере, где они используются, будь то литературный письменный язык или разговорная речь образованных кругов российского общества, насыщенная церковнославянизмами речь священнослужителей или диалект российской глубинки, арго каторжников или профессиональный жаргон рабочих-железнодорожников, они представлены Шахматовым как естественные элементы живого разговорного русского языка. В среде обитания своих носителей эти сверхсловные единицы характеризуются фактически теми же обязательными свойствами, какие современные сторонники широкого понимания объекта фразеологии признают для них дифференциальными: они сверхсловны, обладают определенной синтаксической структурой и закрепленным за нею значением, они устойчивы с точки зрения компонентного состава и грамматической структуры, а также воспроизводимы.

Уже после прекращения работы над «Словарем русского языка» Шахматов использует для квалификации интересующих нас единиц *собственную терминологию*. Реально он представил ее в «Синтаксисе русского языка», над которым трудился последние годы своей жизни. Опираясь на богатый опыт словарного описания *ходячих выражений*, *речений* и прочих сверх-

словных единиц, Шахматов в своей фундаментальной теоретической работе использует по отношению к ним термин «*неразложимые (слово) сочетания*» (см. [10: 278, 418–419, 458–459]). Давая определение этому термину и говоря о семантике сверхсловных единиц, он опирался на те свойства, которые проявляются у них в процессе коммуникации, и расценивал их специфические признаки прежде всего с синтаксических позиций. Термином *неразложимость*, на наш взгляд, Шахматов гениально отразил в обобщенном виде совокупность тех дифференциальных признаков сверхсловных языковых единиц, которые затем во фразеологии стали именоваться терминами *единство значения, устойчивость компонентного состава и грамматической структуры, воспроизводимость*. При описании сверхсловных единиц Шахматов непременно учитывал, помимо их специфических структурных и семантических признаков, их коммуникативные (функциональные) и синтаксические свойства. Не лишним будет здесь вспомнить о том, что подглавкой XVIII, состоящей из одного параграфа (§ 488) «Неразложимые словосочетания», в «Синтаксисе русского языка» завершается глава II «Учение о словосочетаниях». В этом финальном для главы параграфе, в частности, говорится:

«*Неразложимыми словосочетаниями* называем такие словосочетания, которые состоят из двух или нескольких слов, представляющих одно грамматическое целое, но являющихся в такой форме, которая исключает возможность признать их взаимную зависимость и не дает также возможности признать которое-нибудь из них самостоятельным членом предложения; таковым является словосочетание в его совокупности» [10: 418].

Неразложимость, считает Шахматов, может проявляться по-разному, и наиболее очевидно – на семантическом и синтаксическом уровнях.

Не случайно В. В. Виноградов, начиная свою знаковую для рождающейся фразеологии статью «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), ссылается на учение Шахматова о «неразложимых словосочетаниях» [1: 140] и, прежде чем представлять собственную классификацию фразеологических единиц, суммирует представление Шахматова о различных типах неразложимых словосочетаний:

«1) словосочетания, грамматически неразложимые, непонятные с точки зрения живых синтаксических отношений, но лексически вполне свободные <...> (...*пропотить комната, испортить шуба*);

2) словосочетания, грамматически неразложимые, немотивированные с точки зрения современных синтаксических отношений, но с лексической точки зрения расчлененные, хотя и не вполне свободные <...>

(*два килограмма, два воробья, два пальца <...> пятого января...*);

3) словосочетания, неразложимые по своему лексическому значению, но разложимые грамматически <...> (*игральные карты, великий князь. Красное село* и т. п.);

4) словосочетания, для современной языковой системы одинаково цельные и неразложимые как с синтаксической, так и с лексико-семантической точек зрения <...> (*спустя рукава, очертя голову...*)» [1: 141].

В. В. Виноградов не включил в этот перечень 5-й тип неразложимых словосочетаний, описанных А. А. Шахматовым в главе III «Синтаксис частей речи», – «словосочетания, в которых существительное теряет свое знаменательное значение, сохраняя за собой смысл звена в данном словосочетании» [10: 458]. К такого типа неразложимым словосочетаниям автор «Синтаксиса русского языка» относит выражения *бог с ним, бог его знает, бог даст, помилуй бог; черт возьми, черт дери, черта с два, ни черта не понимать, черт с тобой, черт знает что* и заключает:

«Быть может, такие словосочетания <...> надо признать *неразложимыми (неразделимыми синтаксически)*, ибо, конечно, трудно признать *бог в помилуй бог* подлежащим, в виду сокращения *бог в бо в спасибо*» [10: 458].

Вероятно, основоположник отечественной фразеологии (не без основания) рассматривал подобные сверхсловные единицы как разновидности описанных Шахматовым неразложимых словосочетаний 4-го типа.

Что касается первых двух типов, выделенных В. В. Виноградовым из массы неразложимых словосочетаний, охарактеризованных Шахматовым, то фразеологи вряд ли признают их элементами фразеологической системы русского языка. Да и в концепции Шахматова они рассматриваются как неразложимые лишь с синтаксических позиций, поскольку в предложении играют роль единого члена предложения. Что же касается сверхсловных единиц как элементов языковой системы, то подлинное представление о них Шахматова можно установить, учитывая не только учение о неразложимых словосочетаниях в работе «Синтаксис русского языка», но и конкретные результаты описания им сверхсловных единиц в выпусках СРЯ 1897 и 1898 годов. Если пойти по этому пути, то выяснится, что неразложимые словосочетания, причисленные в приведенной выше классификации к 1-му и 2-му типам, Шахматов не воспринимал как элементы языковой системы. Зато масса сверхсловных языковых единиц, которые можно было бы причислить к 3-му, 4-му (вместе с 5-м) типам, тщательнейшим образом всесторонне представлена им в тезаурусных выпусках СРЯ.

При описании сверхсловных (= неразложимых, как он позже стал их называть) единиц в тезаурусных выпусках СРЯ Шахматов опирался и на опыт П. Алексеева, реализованный в «Церковном словаре», где для сверхсловных единиц создавались отдельные словарные статьи, и на опыт составителей «Словаря Академии Российской»⁸, где *речения* (= устойчивые словесные комплексы = УСК) помещались в финальной части словарной статьи, возглавляемой лексемой, которая, помимо свободного функционирования, могла играть роль семантически ведущего компонента УСК. Объединение этих двух, казалось бы, просто технических приемов в совокупности с сочетанием историко-этимологического, лингвокультурологического, семантического, грамматического и стилистического описания каждой языковой единицы, сопровождающегося примерами ее употребления с точной их паспортизацией, и обеспечили уникальный результат. Трудно даже в современную цифровую эпоху найти аналог лексикографическому шедевру А. А. Шахматова.

В качестве примеров приведу сведения лишь о двух словарных статьях из 1-го и 2-го шахматовских выпусков 2-го тома СРЯ:

«Египетскій, ая, ое (Цсл. егуптьскъ). Прилаг. отъ с. Египеть (*И възвѣщено было царю египетскому, что народъ бѣжалъ*. Исх. 14, 5). Е-ое племя, стар. цыгане въ томъ предположеніи, что они происходили изъ Египта.

Но все египетское племя

Кругомъ приѣзжихъ въ то же время

С веселымъ шумомъ собралось.

Барат. Цыганка.

Онъ извѣстенъ былъ любовью своею к е-ому племени вообще и къ одной египтянке въ особенности. Вяземск., И. И. Дмитриевъ. Переносно е-скій употребляется для выражения мертвенности, неподвижности въ приложеніи къ словамъ: боги, статуя и т. п.

Какъ египетскіе боги

Дамы прѣютъ и молчатъ

Пушк. Кишин. дамы <...>»

Далее в этой словарной статье описывается 11 сверхсловных единиц, в которых компонент *египетскій* реализует различные переносные значения, близкие к указанному выше:

«Мумія е-ая – говорится о человѣкѣ неловкомъ, неразвязномъ <...> Е-ая работа – безпросвѣтная, кропотливая, изнурительная, тяжкая работа <...> Е-ая тѣма – непроглядная, (по воспоминанію объ одной изъ египетскихъ казней (Их. 10, 22) <...> Е-ий судъ – о судѣ, совершаемому по смерти <...> Е-ия язвы, казни – жестокия, губительныя (Исх. гл. 7 и сл.) <...> Е-ая саранча – всеистребляющая. Истребители (про французовъ с помадами и француженокъ съ шляпами) <...> Е-ий плѣнь – тяжелая неволя <...> Е-ий сим-

воль – Е-ая синь – издавна извѣстная синяя краска изъ измелченнаго мѣднаго стекла» (стлб. 19–20).

Затем в словарной статье «**Египетскій, ая, ое**» следуют тематические блоки составных терминов: ботанических, зоологических, медицинских с указанием их латинских параллелей и источников, откуда они были взяты:

«Египетская дыня. *Бот.* <...> Е-ое жито <...> Е-ое зерно, шестирядный ячмень <...> Е-ий клевер <...> Е-ий лупинъ <...> Е-ий овесъ <...> Е-ое просо <...> Е-ая пшеница <...> Е-ая рожь <...> Е-ий сахарный тростникъ <...> Е-ий тамарискъ <...> Е-ая смоковница <...> Е-ая трава <...> Е-ий тысячелистникъ...

Египетскій голубь. *Зоол.* <...> Е-ая коза <...> Нильская коза <...> Е-ая крыса. Грызунъ <...> Е-ий ланцетонь. Млекоп. <...> Е-ая очковая змѣя. Пресн. <...> Е-ая песчанка. Млекоп. <...> Е-ая цапля. Птица...

Египетская яшма. *Минер.* Разновидность яшмы, встречающейся желваками въ третичныхъ (нуммулитовыхъ) отложеніяхъ Египта...

Египетское воспаление глазъ. *Медиц.* <...> заболѣваніе глазъ, наблюдавшееся въ видѣ эпидеміи въ Наполеоновской арміи во время похода французовъ въ Египеть и описанное подъ приведеннымъ выше названіемъ Ларреемъ. – Е-ий хлорозъ – прогрессивное малокровіе, причиняемое крулою глистою, впивающеюся въ огромномъ количествѣ въ сосуды двенадцатиперстной кишки и высасывающею изъ нихъ кровь...»⁹.

В словарной статье, озаглавленной словом «**Желѣзный, ая, ое**», отмечено 8 его значений:

«1) ‘Сдѣланный изъ желѣза’; 2) Переносно: ‘одѣтый въ желѣзные доспѣхи’; 3) ‘Торгующій желѣзомъ, желѣзные торговцы’; 4) ‘Содержащій въ себѣ желѣзо’; 5) ‘О цвѣтѣ, подобномъ цвѣту желѣза’. Похожій на желѣзо: а) Неподвижностью <...> *желѣзный взглядъ* <...> б) Крѣпостью и плотностью или твердостью: *желѣзное здоровье* <...> в) Сокрушающею силою»¹⁰; 6) ‘О войскахъ, о войнахъ – стойкіе, непреодолимые’ // ‘О человѣкѣ, также – могущественный, крѣпкій нравственно’; 7) Переносно: ‘Неуклонный, твердый, неизмѣнный <...> Строгий, неумолимый <...> Грубый, жесткій’; 8) **Железные ворота** – ‘тѣсный проливъ мѣжду островомъ и материкомъ или мѣжду двумя островами’»¹¹.

При этом характеристика каждого из значений дополняется блоком сверхсловных единиц, содержащих в своем составе в качестве компонента заглавную лексему. В общей сложности в словарную статью «**Желѣзный, ая, ое**» включено более 80 оборотов, которые детально раскрывают семантическую многогранность заглавного слова и представляют значительный пласт фразеологического корпуса русского языка XIX столетия. Приведем лишь несколько примеров:

желѣзныя губы палача – инструмент, которымъ выжигали клеймо на лицѣ тяжкихъ преступниковъ, *желѣзная решетка* – тюрьма, *желѣзный грошъ* – монета, не имѣющая никакого достоинства, никакой цѣны, *желѣзные браслеты, шутл.* – ручные канда-

лы, *железный канцлер* – Бисмарк, *железное колесо* – арктический пояс, *железные ворота* – узкий пролив между островом и материком или между двумя островами; весьма глубокий и расположенный так, что в нем во время морских приливов и отливов происходит стремительное течение воды, *железная каша* – гречневая каша, которая варится докрасна целый день в печи и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хочется сказать о значимости словарных идей выдающегося российского ученого для нашего научного коллектива. Больше века прошло после того, как были опубликованы два выпуска СРЯ, в которых А. А. Шахматов реализовал свою лексикографическую концепцию. Обращение к его опыту для нас, сотрудников Магнитогорской словарной лаборатории, не было случайным. Более 20 лет мы занимаемся созданием словарей, и каждый раз, приступая к новому проекту, приходится разрабатывать концепцию будущего словаря и определять пути достижения конечной цели. Самые сложные из них – «Большой фразеологический словарь старославянского языка» и «Фразеологический словарь нагайбакского языка». Работая над пятитомником БФССЯ, три тома которого уже опубликованы, мы жестко следовали шахматовским принципам 1) полноты, всеохватности источников, сопровождая создание старославянской фразеологической картотеки сплошной выборкой из всех известных современной науке памятников общеславянского литературного языка Средневековья; 2) историко-этимологической и грамматической характеристики описываемых устойчивых словесных комплексов (указывая на язык-источник оборота и приводя его буквальный перевод на славянский язык); 3) семантизации, отражающей через те-

матические, синонимические, антонимические отношения место устойчивых словесных комплексов в языковой системе, и 4) точной паспортизации каждого примера, подтверждающего сформулированное значение УСК.

Шахматовская лексикографическая концепция играет не последнюю роль и в определении стратегии нашей работы над созданием различного типа словарей для бесписьменного нагайбакского народа, компактно проживающего на Южном Урале. В этом случае самым важным для нас стал принцип ориентации на живой разговорный язык этноса. Начав с «Русско-нагайбакского и Нагайбакско-русского словаря»-перевертыша, материалы для которого можно было проверить через элементарные ответы на вопросы «Как по-нагайбакски называется...?», мы организовали активную работу по сбору связанных текстов (легенд, преданий, воспоминаний о предках, рассказов об обычаях, праздниках), записей песен, частушек, молитв, пословиц, поговорок, в результате чего родились толковый словарь нагайбакских пословиц и поговорок, а также сборник частушек. Имея такие источники, мы смогли, разработав нагайбакский алфавит, издать нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами и русско-нагайбакский разговорник, а также проанализировать в цикле исследовательских статей своеобразие менталитета уникального малого этноса, отраженного в ряде лексико-фразеологических блоков нагайбакского языка, объединенных тематически (религиозным мировоззрением, семейными традициями, домашним укладом, казачьим прошлым и пр.). И только сейчас можем начать подготовку к созданию нагайбакско-русского фразеологического словаря, следуя заветам А. А. Шахматова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.
- ² Алексѣевъ П. А. Церковный словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, тако иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ: В 3-х частяхъ. М.: Типографія Императорскаго Московскаго университета, 1773–1776.
- ³ Там же. Ч. 1. М.: Типографія Императорскаго Московскаго университета, 1773. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 22.
- ⁶ Там же. С. 25.
- ⁷ Как пользоваться словарем // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. Т. 1. А–Юрины. М.: Гос. институт «Советская энциклопедия», 1935. С. XXI–LXXV.
- ⁸ Словарь Академіи Россійской: В 6 частяхъ. Санктпетербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.
- ⁹ Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ первый (съ начала издѣлія – четвертый). Е–Жел. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1897. С. 19–20.
- ¹⁰ Там же. С. 320.
- ¹¹ Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ второй (съ начала издѣлія – пятый). Железный – За. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1898. С. 321–326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды / Отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
2. Герд А. С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 948–954.
3. «Записка» А. А. Шахматова о «Словаре русского языка» 1895 г. // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 899–902.
4. Ковтун Л. С. Основная идея шахматовской лексикографии // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 62–68.
5. Макаров В. И., Коготкова Т. С. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) // Отечественные лексикографы XVII–XX века / Под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 187–218.
6. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. 792 с.
7. Приемышева М. Н. Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 887–899.
8. Пурицкая Е. В. «Большой академический словарь русского языка»: шахматовские идеи и литературный язык нашего времени // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 955–962.
9. Судаков Г. В. Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 878–886.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е. В. Клобукова; Ред. и коммент. Е. С. Истоминой. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
11. Шулержкова С. Г. Фразаграфическая концепция Н. Д. Ушакова // Филологический класс. 2023. № 4. С. 130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142
12. Щерба Л. В. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища представителя комиссии Л. В. Щербы // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 904–909.

Поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Svetlana G. Shulezhkova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute for the Humanities, Head of Lexical Research Laboratory, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0314-6721; shulezhkova@gmail.com

A. A. SHAKHMATOV'S PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHY AS PILLARS OF CREATING DICTIONARIES FOR ETHNOSES WITHOUT WRITTEN LANGUAGES

Abstract. The author brings up a question of the continuity of lexicographic techniques applied for the description of linguistic units (including superword units) developed by A. A. Shakhmatov. The first and second issues of the second volume of *The Dictionary of the Russian Language* created under his editorship are the innovative work of the thesaurus type. They demonstrate the productivity of using the principles of anthropocentrism, historicism, systemicity, and communicativity in lexicography when describing linguistic units of the word and superword types. Shakhmatov's works play an important role in the formation of Russian lexicography and phraseography. Its lexicographic concept acquires particular relevance in the context of extinction of non-written languages under the pressure of digital civilization. Having lost its own language, ethnos, as a rule, loses its identity. This could be the fate of the language of the Nagaybaks, one of the small indigenous peoples of the Southern Urals. To avoid the "dissolution" of the Nagaybaks among the neighboring peoples, linguists from Magnitogorsk have created a program for the introduction of the Nagaybak written language. Besides creating the alphabet and writing a concise grammar, the program aims at creating various types of dictionaries of the endangered language. In this situation, Shakhmatov's lexicographical principles orientated towards the live colloquial speech of the people played a decisive role. After publishing the Russian-Nagaybak and Nagaybak-Russian dictionary, the Nagaybak-Russian dictionary with grammar notes and the dictionary of Nagaybak

proverbs, the team faced the task of publishing a Nagaybak phraseological dictionary. Shakhmatov's principles of describing Russian superword units analyzed in this article served as a basis for addressing this demanding task.

Key words: thesaurus, dictionary entry, superword unit, oral ethnos, danger of extinction, spoken language, ethnos culture

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation and the government of the Chelyabinsk Region as part of the project No 23-18-20045 "Creation of the Nagaybak written language as the base for saving the unique culture and language of one of the small indigenous ethnic groups of the Southern Urals".

For citation: Shulezhkova, S. G. A. A. Shakhmatov's principles of lexicography as pillars of creating dictionaries for ethnos without written languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7);87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. The main types of phraseological units in the Russian language. *Vinogradov, V. V. Lexicology and lexicography: Selected works*. (V. G. Kostomarov, Ed.). Moscow, 1977. P. 140–161. (In Russ.)
2. Gerd, A. S. *The Unabridged Academic Dictionary of the Russian Language as a thesaurus-type dictionary. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 948–954. (In Russ.)
3. A. A. Shakhmatov's 1895 "Note" on *The Dictionary of the Russian Language. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 899–902. (In Russ.)
4. Kovtun, L. S. The main idea of Shakhmatov's lexicography. *Topics in the Study of Language*. 1971;2:62–68. (In Russ.)
5. Makarov, V. I., Kogotkova, T. S. Alexey Alexandrovich Shakhmatov (1864–1920). *Russian lexicographers of the XVII–XX century*. (G. A. Bogatova, Ed.). Moscow, 2000. P. 187–218. (In Russ.)
6. Mikhelson, M. I. Russian thought and speech: One's own and alien: An insight into Russian phraseology: A collection of figurative words and parables: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1994. 792 p. (In Russ.)
7. Priemysheva, M. N. Thesaurus of the Russian language according to the principles of A. A. Shakhmatov: pro et contra. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. St. Petersburg, 2015. P. 887–899. (In Russ.)
8. Puritskaya, E. V. *The Unabridged Academic Dictionary of the Russian Language: Shakhmatov's ideas and the literary language of our time. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 955–962. (In Russ.)
9. Sudakov, G. V. Shakhmatov as a lexicographer and modern lexicographic practice. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 878–886. (In Russ.)
10. Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian language. (E. S. Istomina, Ed.). Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)
11. Shulezhkova, S. G. Phraseographic conception of N. D. Ushakov. *Philological Class*. 2023;4:130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142 (In Russ.)
12. Shcherba, L. V. A memorandum on the state of affairs in the Dictionary Commission of the Academy of Sciences of the Comrade Representative of the Commission, L. V. Shcherba. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 904–909. (In Russ.)

Received: 8 July 2024; accepted: 23 September 2024